

Каникулы в Овражье

Лиза Громова

Лиза Громова Каникулы в Овражье

<https://litres.ru/74119256>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пятеро горожан, одна полузаброшенная деревня и старый дом в котором им придётся соседствовать с разного рода нечистью. Сборник ироничной летней мистики.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Каникулы в Овражье

Глава 1

Дом нашла Лена. Листала вечером объявления — и наткнулась: бревенчатая изба в деревне Овражье, на самом отшибе, у леса, цена — смешная, дешевле любой подержанной машины. Лена скинула ссылку в их общий чат с подписью «а давайте?», и, к собственному удивлению, через месяц пятеро взрослых людей скидывались на старую избушку.

Их было пятеро, и держались они вместе с первого курса универа. Лена — спокойная, хозяйственная, на её имя в итоге дом и оформили. Денис, для своих Ден, — рукастый, чинил у всех всё, что ломалось, и гордился тем, что человек трезвого ума и в чепуху не верит. Вика — наоборот, верила во всё сразу, читала каналы про приметы и фэншуй и носила браслет «от сглаза». Костя — добродушный балагур, отвечающий в любой компании за шашлык, настроение и холодильник. И Артём, Тёма, — который, собственно, и подбил всех на блог.

— Смотрите, — вещал Тёма ещё в городе. — Пятеро друзей покупают развалюху и чинят её всё лето. Снимаем вертикалки: до и после, лайфхаки, деревенский быт. Это же золото. Это залетит.

В блог никто особо не верил, но лето на природе обещало

быть весёлым, и они поехали.

Овражье оказалось деревней на несколько жилых дворов, остальное стояло заколоченным. Их дом был самый крайний, у леса, отдельно от прочих, за оврагом — оттого, видать, и дешёвый. Когда машины подкатили к калитке и заглушили моторы, наступила тишина, какой городские не слышали никогда: ни гула, ни сигналов, только птицы да ветер в траве.

Дом стоял кривой.

Не «уютно покосившийся», как на фото, а реально кривой: крыльцо вросло в землю, наличники облупились, одно окно подперто доской, крыша во мху. Над крыльцом висела почерневшая подкова, прибитая, как положено, рожками вверх.

— Ну теремок, — сказал Костя, оглядев это всё. — Прямым терем-теремок. Кто-кто в теремочке живёт.

Название прилипло сразу. Теремок так Теремок.

Тёма уже снимал, держа телефон вертикально и пятясь:

— Так, ребят, не смотрим в камеру. Вот он, наш дом. Двести тысяч на пятерых. Сейчас будет тур. Подписывайтесь, чтоб не пропустить, как мы это всё починим.

— Если починим, — уточнил Ден, профессионально шупая угол сруба. — Тут венцы менять, полы перебирать, печь чистить. Полгода работы. За лето — дай бог фасад да крышу.

— Не каркай, — сказала Лена и отперла дверь.

Внутри пахло старым деревом, остывшей печью и чем-то ещё — обжитым, будто тут только вчера жили. Перекошен-

ные полы, большая русская печь, лавки, в углу — тёмная от времени иконка с засохшим пучком вербы. На стенах — выцветшие фотографии незнакомых людей, которые наследники забрать поленились. Дом был неприбран, но не заброшен: ни запустения, ни паутины по углам, будто кто-то тут потихоньку поддерживал порядок.

— Чисто как-то, — заметила Вика. — Для дома, где год никто не жил.

— Соседи, наверно, приглядывали, — пожал плечами Ден.

Они обошли владения. За домом обнаружили: чёрная от времени банька в углу огорода, колодец с воротом, покосившийся сарай и тёмный лаз в погреб. На чердак вела лесенка, но люк был плотно закрыт и чем-то припёрт сверху.

— Чердак потом, — решила Лена. — Сначала жить устроимся.

Первый день прошёл в бардаке и хохоте. Перетаскивали вещи, мели, спорили, кто где спит. Костя первым делом собрал во дворе мангал — «база должна быть». Тёма снимал всё подряд, приговаривая про охваты. Ден разложил по дому инструмент — дрель, молотки, отвёртки, гвозди, рулетки — прямо где работал, по всем комнатам, как привык: бросил и пошёл за следующим делом. К вечеру инструмент был раскидан по всему Теремку.

Вечером жарили шашлык, пили чай из найденного на печи закопчённого чайника, и было хорошо. Вика, оглядывая

дом в сумерках, сказала задумчиво:

— Надо бы поздороваться. С домом. Зайти и сказать: здравствуй, дом, мы теперь тут жить будем, ты нас прими. Так положено, когда в новый дом въезжаешь. Особенно в старый.

— Вика, ты с ума сошла, — фыркнул Ден. — С домом здороваться.

— А что такого, — поддержал Костя и, дурачась, постучал по бревну. — Здорово, дом! Принимай гостей! Мы с шашлыком!

Все засмеялись. Вика одна не смеялась — она единственная сказала это всерьёз, тихонько, себе под нос: «Здравствуй. Не сердчай на нас». Но её не услышали.

Спать легли поздно, вповалку, в спальниках. Лена, прежде чем лечь, повесила связку ключей от дома на гвоздь у двери — на видное место, чтоб не потерять.

Среди ночи Вика проснулась. Ей показалось, что по дому кто-то ходит — тихо, хозяйственно, шаркая, будто прибирается. Слышался лёгкий стук: будто кто-то составлял вместе разбросанные вещи. Вика лежала, боясь шевельнуться, потом всё-таки растолкала Дена, спавшего рядом.

— Ден. Денис. Там ходит кто-то.

Ден сонно прислушался. Тихо. Только ветер да где-то скрипнула половица.

— Дом оседает, — буркнул он. — Дерево старое, на перепад температур играет. Или мышь. Спи.

И Вика, успокоенная этим научным объяснением ровно наполовину, уснула.

А утром они вышли в большую комнату — и остановились.

Инструмент был собран.

Весь раскиданный накануне по всем комнатам инструмент аккуратно лежал у печки: молотки сложены один к одному, отвёртки выстроены по росту, рассыпанные гвозди собраны в старую жестяную банку, рулетки смотаны. Аккуратно, по-хозяйски, любовно — так, как ни один из них пятерых отродясь ничего не складывал.

Повисла пауза.

— Это кто? — спросил Тёма.

— Я не трогал, — сказал Ден. — Я вечером бросил и спать пошёл.

— И я не убирала, — сказала Лена.

Все переглянулись. Костя на всякий случай заглянул под лавку. Никого.

— Ну — Ден поскрёб затылок, и было видно, как ему срочно нужна логичная версия. — Кто-то из нас. Ночью. Машинально. Встал, прибрал, не проснувшись толком, и забыл. С долгой дороги бывает. Лунатизм там, не знаю.

— Все пятеро дружно встали ночью и в четыре руки разложили инструмент по росту? — уточнила Вика сладким голосом. — Машинально?

Ден открыл рот и закрыл. Версия рассыпалась.

Тёма медленно поднял телефон и обвёл камерой аккуратный рядок отвёрток.

— Я этого не снял, — сказал он с искренней болью человека, упустившего вирусный кадр. — Я спал. Я. Это. Не. Снял.

А Вика подошла к печке, где темнел тёплый ещё припечек, тихонько поклонилась и сказала — на этот раз так, что слышали все:

— Спасибо, что прибрал. И будем знакомы, что ли.

Печка молчала. Но в Теремке в это утро было удивительно тепло и спокойно — так, как бывает тепло в доме, где, кроме тебя, живёт кто-то ещё, кто тебе рад.

Глава 2

История с прибранным инструментом к обеду забылась — списали на усталость и странности старого дома. А зря: дом только начинал знакомиться с приезжими.

Сначала пропала крышка от Тёминого объектива. Тёма перерыл всё, чуть не плакал — крышка дорогая, фирменная. Потом исчез любимый Денов разводной ключ, прямо с верстака, на глазах. Потом — зарядка, ложка, Ленина связка ключей от дома, которую она божилась, что повесила на гвоздь.

А главное — вещи возвращались. Но не туда, откуда пропали, а в местах, прямо скажем, неожиданных. Денов ключ нашёлся в банке с крупой. Крышка от объектива — на полке рядом с тёмной иконкой, аккуратно так положенная. Ленины ключи обнаружили висящими на ветке яблони во дворе. Ложка — в валенке, неизвестно чьём и откуда взявшемся.

— Так, — сказала Вика, когда коллекция странностей пополнилась в пятый раз. — Я вам говорила. Это домовой. Он шалит. Мы въехали, нашумели, поздороваться толком не поздоровались, угощения не поднесли — вот он и проверяет нас, и пакостит по мелочи. Это нормально. Это он знакомится.

— Вика, — простонал Ден. — Ну какой домовой. Мы взрослые люди. Вещи теряются, потому что у нас бардак и

пять человек хватают всё подряд.

— Бардак сам себя в крупу не прячет.

Тут вмешался Тёма, и глаза у него загорелись:

— Стоп. Стоп-стоп-стоп. Это же контент. «Разоблачение призрака в деревенском доме». Ставим ночью камеру и ловим нашего воришку. Либо это кто-то из нас лунатит — и мы ржём. Либо — он сделал страшные глаза, — либо мы снимаем домового. Вы понимаете, что будет с охватами?

На том и порешили. Вечером Тёма закрепил на кухне телефон на штативе, направил на стол и на печь, поставил ночную съёмку и подписал торжественно: «Эксперимент. Камера. Ночь. Истина».

Костя тем временем готовил ужин и ворчал. К ним во двор ещё днём прибился кот — тощий, драный, из ниоткуда, деревенские потом божились, что такого у них нет. Кот сидел на крыльце и смотрел. Костя, добрая душа, налил ему в блюдце молока и поставил у печки.

— Это что? — спросила Вика, увидев блюдце.

— Коту, — сказал Костя. — Жалко животину, тощий.

Вика хотела что-то сказать, но передумала и только хмыкнула с непонятым выражением.

Ночь прошла спокойно. А утром все столпились у телефона смотреть запись — на перемотке, затаив дыхание.

Часа в три ночи на записи что-то произошло.

Сначала в кадре дрогнула тень — низкая, плотная, у самого пола, на границе видимости. Потом по столу будто сам

собой проехал и аккуратно лёг на место Денов разводной ключ, который Ден накануне опять бросил где попало. А потом тень неторопливо, по-хозяйски, подобралась к блюдцу с молоком, что стояло у печки. И блюдце в кадре качнулось.

А наутро блюдце было пустое. Хотя кот всю ночь, как выяснилось, продрых на крыльце снаружи, за закрытой дверью.

В кухне стало очень тихо.

— Это кот, — сказал Ден не очень уверенно. — Как-то залез. И тень — артефакт сжатия, ночная съёмка часто с такими помехами, сто процентов.

— Кот спал на улице, дверь была закрыта, — напомнила Лена. — И артефакт сжатия не пьёт молоко.

Ден насупился и замолчал. Версии кончились второй раз за два дня.

Вика смотрела на пустое блюдце с видом человека, чьи слова наконец подтвердились документально.

— Молоко он любит, — сказала она негромко. — Это вы его, Костя, сами того не зная, и задобрили. Домовому первое угощение — молоко да хлеб. Вы ему поднесли — он и полюбил. Видите, и ключ на место положил, не в крупу спрятал, как раньше. Это он спасибо так говорит.

Костя посмотрел на блюдце, потом на свои руки, которыми наливал молоко, и сказал растерянно:

— Так я ж коту

— А получилось — хозяину, — улыбнулась Вика.

Тёма уже не слушал. Тёма заливал ролик. «Поставили ка-

меру на ночь в старом доме и сняли ВОТ ЭТО» — гремел заголовок. К обеду под видео была тысяча комментариев. Половина писала «постановка, нитку видно», другая половина — «у бабушки в деревне точь-в-точь так было, кормите домового, не обижайте». Нашлись и подписчики-детективы, по кадрам разбиравшие тень. Ролик пошёл в рост — первый их по-настоящему заметный ролик.

А Вика тем вечером устроила всем небольшой инструктаж, и на этот раз её, после блюда-то, слушали уже внимательнее.

— Раз он с нами знакомится, давайте по-человечески. Поздоровались — это мы вроде сделали. Молоко — ему нравится, ставим теперь по вечерам, не жалко. Угол ему оставим — вон тот, за печкой, не лезем туда, барахло не складываем, это его место. Не материмся в доме, не свистим. И вещи он предпочитает брать у того, кто неаккуратный, — она выразительно посмотрела на Дена, — так что прибирай за собой инструмент, и перестанет в крупку прятать.

— Я не буду кормить молоком галлюцинацию, — упёрся было Ден.

Но молоко по вечерам с того дня стало появляться у печки само — кто-нибудь да наливал, мимоходом, будто так и надо. И пропажи прекратились. А по утрам в Теремке стало как-то подметено и прибрано, хотя график уборки они так и не завели.

Дом обживался. Вернее — они обживались в доме, где хо-

зьяин был до них и никуда уходить не собирался.

А ночью, когда все уgomонились, сверху, с запертого чердака, слышалось вдруг тихое, протяжное — не то вздох, не то шаги. Все пятеро замерли в спальниках и уставились в тёмный потолок.

— Это тоже он? — шёпотом спросил Костя.

— Снизу он, за печкой, — так же шёпотом ответила Вика, глядя вверх. — А там, наверху это кто-то другой.

Никто в ту ночь больше толком не уснул. А Тёма, лёжа в темноте, думал только об одном: что завтра они полезут на чердак. И что в этот раз он камеру точно не забудет.

Глава 3

На чердак полезли с утра, всей компанией, на адреналине после ночных шагов. Люк был припёрт сверху старым сундуком — пришлось Дену поднажать. Откинули крышку, поднялась пыль, и в столбе света из слухового окошка открылся чердак.

Там была целая жизнь.

Старый сундук, окованный железными полосами. Прялка. Связки сушёных, давно осыпавшихся трав под стрехой. Стопка пожелтевших фотографий. Детская деревянная лошадка без колеса. Подшивки газет, перевязанные бечёвкой. Чугунный уют. И в дальнем углу, за печной трубой, — маленькое опрятное место: старая подстилка, щербатое блюдечко и аккуратно сложенная ветхая одежонка. Угол был чистый, ухоженный, в отличие от остального захламлённого чердака. Будто там кто-то жил.

Тёма снимал, понизив голос до шёпота, как в настоящем хорроре:

— Ребят, вы это видите. Чей-то угол. Кто-то тут обитает.

Вика разглядывала фотографии. С них смотрели люди в старой одежде: семья, дети, потом всё меньше людей, потом — один старик, на последних снимках совсем седой, с собакой, на фоне этого самого дома.

— Это прежний хозяин, — сказала Лена тихо. — Мне ри-

елтор говорил. Дед тут жил долго, один под конец. Семья разъехалась, старуха померла давно. А он один доживал, дом держал. Год назад его не стало. Наследники с продажей не хотели возиться — вот нам и досталось за бесценок.

Все притихли. Чужая жизнь, разложенная по чердаку, смотрела на них с фотографий, и шутить расхотелось.

В этот момент снизу раздался голос:

— Эй! Живые есть? Калитка нараспашку!

Они слезли с чердака и обнаружили во дворе соседа — кряжистого деда лет семидесяти в кепке, с хитрыми глазами. Он представился Кузьмичом, сказал, что живёт через два двора, один тут зимует, и пришёл поглядеть на новых хозяев Тихонова дома.

— Тихонов — это который дед был? — спросила Лена.

— Он, Тихон Палыч, — кивнул Кузьмич. — Хороший был старик. Дом любил, держал в порядке до последнего. — Он оглядел компанию, городскую, с телефонами, и усмехнулся в усы. — Ну как вам тут? Спокойно ночуется али нет?

— А что? — насторожился Тёма, чуя контент.

— Да ничего, — невинно сказал Кузьмич. — Дом-то старый. Хозяин в нём был, и после хозяина хозяин остался. При таком доме завсегда кто-то живёт, окромя людей. Домовой. Сто лет, поди, при этих стенах. Вы с ним ладьте, не обижайте — он дом стережёт. А на чердаке-то — дед прищурился, — на чердаке у Тихона кот жил, старый, лет двадцати. Помер ещё до хозяина. Кот, говорят, тоже не всякий уходит. Особ-

ливо коли его кормили да любили.

И ушёл, оставив пятерых горожан переваривать это посреди двора.

— Кот, — медленно сказал Костя. — На чердаке. Угол с блюдечком. Кот.

— А я молоко — начал Костя и осёкся.

— А ты молоко поставил, — закончила Вика. — И домовому внизу, и, видать, тому, кто наверху. Ты, Костя, у нас прям дипломат. Всех задобрил, сам не зная.

Ден стоял молча. Он, человек трезвого ума, за три дня получил: прибранный неизвестно кем инструмент, тень на видео, выпитое за запертой дверью молоко, а теперь ещё дедов рассказ, который слишком хорошо ложился на всё, что они видели. Логичные версии у Дена кончились окончательно. Он этого вслух не признал — но молоко вечером налил сам, первый, не дожидаясь напоминаний. Молча. На всякий случай.

Решили так: угол на чердаке не трогать, прибраться вокруг, но место сторожа оставить как есть, поставить туда свежее блюдечко. Вика поклонилась чердачному углу, поздоровалась честь по чести. Даже Тёма, обычно думавший только об охватах, притих и сказал в пустоту: «Живите, мы не помешаем».

А потом Тёма смонтировал из всего этого ролик. Не дешёвую пугалку, а по-настоящему — историю: дом, где сто лет жил один дед, его вещи на чердаке, его кот, его домовой,

фотографии, на которых семья тает до одного седого старика с котом. Голос за кадром, тихая музыка, реальные кадры пыльного чердака и опрятного уголка сторожа. В конце — как они ставят свежее молоко и говорят дому «живи».

Этот ролик залетел.

Не «тысяча комментариев» залетел, а по-настоящему: миллионы просмотров за сутки, репосты, дуэты, слёзные комменты на полстраницы. «Я плачу», «у меня дед так же доживал», «покормите за меня домового», «это лучшее, что я видел в этом приложении». За ночь у блога «Теремок на отшибе» стало больше подписчиков, чем Тёма мечтал набрать за год. Нашлись, конечно, и те, кто кричал «постановка», — но их перекрикивали тысячи тех, кому история легла на сердце.

Друзья сидели вечером во дворе, ошарашенные внезапной славой, и не очень понимали, что с ней теперь делать.

— Получается, — сказал Тёма, разглядывая растущие цифры, — наш главный автор контента — дед, которого мы не застали, его умерший кот и домовый.

— Получается, — согласилась Лена. — Так что давайте с ними по-человечески. Не ради просмотров. Просто мы же теперь тут живём. С ними.

С той ночи Теремок их принял окончательно. Шаги наверху и шорохи за печкой стали привычными, домашними, нестрашными — как звуки, под которые хорошо засыпать, зная, что дом не пустой и кто-то его сторожит.

А наутро Костя проснулся раньше всех, полный энтузиазма, и объявил за чаем новую гениальную идею для блога:

— Так. Народу зашло про мистику и быт. Значит, что у нас дальше по плану самое аутентичное и залётное? Банька! Затопим старую баню по-чёрному, снимем настоящий деревенский пар, это разорвёт всех.

Вика поперхнулась чаем.

— Костя. В баню. С уважением. Там свой хозяин. Банник. И он, в отличие от домового, добротой не славится.

— Да ладно, — отмахнулся Костя. — Мы уже со всеми подружились. Подумаешь, ещё один.

Ден тяжело вздохнул, налил домовому молока — уже со всем по привычке — и пошёл искать, чем растапливают баню. Он чувствовал, что спокойная жизнь кончилась.

Глава 4

Слава, свалившаяся на блог «Теремок на отшибе» после ролика про чердак, ударила Косте в голову сильнее, чем остальным. Если про деда и кота зашло на миллионы, рассуждал Костя, то настоящая деревенская баня по-чёрному порвёт всех.

Банька стояла в дальнем углу огорода — приземистая, чёрная, без трубы. Топилась она по старинке: дым от каменки шёл прямо в парилку и выходил в оконце и приоткрытую дверь, отчего стены внутри были закопчены до угольной черноты. Оттого и «по-чёрному».

— Ден, она вообще цела? — спросил Костя, заглядывая внутрь.

Ден обстучал стены, потыкал каменку, проверил полук.

— На удивление цела. Сруб крепкий, каменка целая, полук менять не надо. Прежний хозяин её, видать, в порядке держал. Протопить — и можно париться. Тут и чинить нечего, только вымести.

— Отлично! — Костя потёр руки. — Сегодня и затопим. Тёма, готовь камеру. «Первая баня по-чёрному в проклятом доме». Это золото.

Тут подала голос Вика, которая, после истории с домовым, чувствовала себя в своём праве:

— Ребят. Стоп. В баню так с наскоку не лезут. У бани свой

хозяин. Банник. И он, в отличие от нашего домового, не белый и пушистый. Баня — место нечистое, тут даже иконы не вешают и не крестятся. Банник может быть злой, может запарить, кипятком обдать, навалиться, напугать до полусмерти. С ним правила строгие.

— Опять правила, — простонал Тёма. — Вика, у нас контент горит.

— Хочешь без правил — будет тебе контент, — мрачно пообещала Вика. — В реанимации. Записывайте. Первое: мыться в три смены, по очереди, а третий пар — баннику, его не занимать, последним в баню не лезть, особенно одному. Второе: ночью, после заката, в баню не ходить — это его время. Третье: не шуметь, не ругаться, не хвастать, не смеяться над ним. Четвёртое: попарился — поблагодари, оставь ему воды в шайке, веник, обмылок, скажи: «Тебе на баню, нам на здоровье». И уходя не оглядывайся, всю воду не выливай. Поняли?

— Поняли, поняли, — отмахнулся Тёма. — Воду оставь, не свисти, третий пар чёрту. Записал. Костя, топи.

Костя затопил. И вот тут случилось то, что потом долго обсуждали: Костя, сам того не осознавая, всё сделал правильно. Он, как добрая душа, ещё растапливая, поставил в углу банки полную шайку чистой воды, прислонил рядом свежий веник и, дурачась, но беззлобно, сказал в закопчённую темноту: «Ну, хозяин, принимай, не серчай, мы помыться да поснимать». Точь-в-точь как с молоком домовому —

по доброте, не по науке.

Банька протопилась часа за три, загудела жаром. Первым пошёл париться Костя — отснял для блога, как поддаёт пару, как охаживает себя веником, балагуря на камеру. Вышел красный, довольный, живой.

— Шикарно! — объявил он. — Пар мягкий, дух — обалдеть. Хозяин нормальный мужик, не обижает. Следующий!

Дальше пошли по очереди, и всё было хорошо — пока дело не дошло до жадных до контента.

Тёма полез в баню уже в сумерках — нарочно, для драмы: «ночная баня по-чёрному, страшный контент». Полез один, с камерой, хотя Вика верещала, что после заката и в одиночку — нельзя. Полез последним, заняв тот самый третий пар, который баннику. И в парилке, разгорячённый, стал, как обычно, вещать на камеру, рисуясь:

— Ну что, ребят, вот она, баня по-чёрному, ночью, и никакого банника тут, конечно, нет, всё это деревенские сказки, я тут один, и

Свет в предбаннике погас. Фонарик на телефоне моргнул и потух, хотя заряд был полный. В кромешной черноте закопчённой парилки Тёма остался один.

А потом каменка зашипела.

Зашипела так, будто на неё плеснули целый ковш, — хотя Тёма не плескал, — и в лицо ему ударила волна обжигающего пара, плотная, злая, не банный жар, а будто кто дыхнул кипятком. Тёма задохнулся, отшатнулся. На полке рядом, в

темноте, что-то тяжело осело — будто кто-то грузный сел рядом, и доска прогнулась под чужим весом. И Тёма спиной, мокрой спиной, ясно почувствовал прикосновение — широкую, мокрую, очень горячую ладонь, которая легла ему между лопаток и логонько, почти ласково, толкнула.

Тёма заорал так, что слышала вся деревня.

Он рванулся к двери — а дверь не открывалась. Держала, будто кто навалился с той стороны. Тёма колотил, выл, дёргал, а пар всё поддавал, и темнота дышала жаром, и кто-то невидимый, тяжёлый, был тут, рядом, и явно забавлялся. Когда дверь наконец поддалась — Тёма пробкой вылетел в предбанник и кубарем во двор, в одном полотенце, красный, ошпаренный, с выпученными глазами.

Следом, решив, что друг застрял, в баню сунулся Ден — скептик, презрительно фыркавший на «сказки». Он даже сказал вслух, входя: «Да нет тут никого, сейчас покажу». Банник показал. Дена в темноте ровно, без замаха, отхлестало по спине — будто кто прошёлся веником, не больно, но обидно и ясно, — и обдало паром, и он вылетел следом за Тёмой, ругаясь и хлопая себя по горячей спине, на которой наутро обнаружили розовые полосы, как от веника.

Во дворе, в сумерках, собралась живописная картина: двое взрослых парней в полотенцах, красные, ошпаренные, трясущиеся, и над ними — Вика, со скрещёнными руками и непередаваемым выражением «я же говорила».

А из бани неторопливо вышел Костя — спокойный, рас-

паренный, благостный.

— Вы чего орёте? — удивился он. — Я ещё разок зашёл, добавки. Нормально всё. Хозяин добрый.

— Добрый?! — взвыл Тёма. — Он меня чуть не сварил! Он меня ТРОГАЛ!

— А ты воды ему оставил? — спросила Вика. — Поблагодарил? Вовремя ушёл? Один не лез, последним не лез, не хвастал, что его нет?

Тёма виновато молчал. Он сделал ровно всё наоборот.

— А Костя, — продолжала Вика, — воды поставил, веник оставил, поздоровался, поблагодарил, парился первым и недолго. Вот его банник и привечает, как своего. Костя у нас опять, сам не зная, всё по уму сделал. А вы полезли нахрапом, ночью, с насмешкой — он вам и показал, чьё место. Скажите спасибо, что легко отделались. Банник, когда всерьёз осерчает, и запарить может насмерть. Это он вас просто проучил.

Притихли все, даже Ден. Спина у него горела вполне реальными полосами, которые «артефактом сжатия» при всём желании не объяснишь.

Мирились с банником по всем правилам. Костя, как полномочный посол, сходил, оставил свежей воды, веник, обмылок, поблагодарил за всех и повинился за бестолковых друзей. Тёма, прежде чем снова сунуться в баню (а сунуться пришлось — недоснял), долго кланялся в дверях и обещал больше не хвастать. Банник, видимо, извинения принял:

больше никого не шпарил, хотя в бане теперь все вели себя тихо и почтительно, как в гостях у строгого, но справедливого хозяина.

А блог тем временем получил новый удар славы. Те кадры, что Тёма всё же успел снять до того, как погас свет, — заклинившая дверь, шипящая сама собой каменка, его собственный нечеловеческий вопль — сложились в ролик «Затопили баню по-чёрному в доме с нечистой зря». Ролик собрал ещё миллион, комментарии разделились на «постановка, актёр переигрывает» и «никогда не лезьте в баню ночью одни, дед правильно говорил». А отдельная партия зрителей завела новый мем: что Костя — единственный человек, с которым дружит вся нечисть, и что его надо отправлять парламентом ко всем духам подряд.

Поздно вечером, когда страсти улеглись и ошпаренные пили чай с подорожником на спинах, через забор раздался ехидный старческий голос. Это был сосед Кузьмич, которого, как и всю деревню, подняли на ноги Тёмины вопли.

— Живые? — осведомился он, подходя. — Орали-то так, будто режут. Банник погонял, угадал? — Он оглядел красные физиономии и хмыкнул в усы. — Эх, городские. Лезете, не спросясь, во всё подряд, как слепые котята. Так и до беды недолго. Банник — это он ещё по-доброму с вами. А полезли бы в лес, али к колодцу не так — там бы вам не полосы на спине были. — Кузьмич покачал головой и вынес вердикт: — Нет, не дело. Надо вас, дурней, уму-разуму учить, покуда

вы тут себя не угробили. Завтра приходите ко мне. Расскажу, с кем тут живёте и как с ним ладить. А то снимаете вы своё кино, а правил не знаете. Так нельзя.

И ушёл в темноту, оставив пятерых городских осмысливать, что у них, кажется, появился учитель.

Глава 5

Наутро, присмирившие после бани, все пятеро явились к Кузьмичу. Изба его стояла через два двора — крепкая, ухоженная, ладная, полная противоположность их кривому Теремку. Двор выметен, поленница — загляденье, скотина сыта, всё на своём месте. Чувствовалось: хозяин знает, что делает, и не первый десяток лет.

Кузьмичу было под семьдесят. Родился он в Овражье, прожил тут всю жизнь и оставался последним, кто зимовал в деревне круглый год, когда дачники разъезжались. Он знал в Овражье каждый двор, каждую тропу, каждую быль — и, как быстро выяснилось, не только про живых.

— Садитесь, — велел он, выставляя на стол чай и сушки. — Слушайте. А ты, — он покосился на Тёму, уже наставившего телефон, — камеру-то убери. Не люблю я это.

Тёма убрал. Скрепя сердце.

— Значит, так, — начал Кузьмич. — Вы думаете, купили пустой дом в пустой деревне и теперь хозяева. Это вы зря думаете. Деревня старая. Дома старые. А где старое жильё — там, кроме людей, всегда кто-то живёт. И в каждом месте свой хозяин. Дом — домовый, его вы уже знаете, повезло вам, добрый достался, Тихонов. Двор — дворовой, он за скотину да за двор отвечает, его тоже уважать надо, особенно коли живность заведёте. Баня — банник, с ним вы вчера,

гы, познакомились. Сарай, овин — там свой. Колодец — там своё. А лес — Кузьмич поднял палец, — лес — особая статья, про лес после поговорим, туда вы пока не суйтесь.

— И вы во всё это верите? — не выдержал Ден. Скептик в нём ещё трепыхался, хоть спина и горела полосами.

Кузьмич посмотрел на него спокойно, без обиды.

— Я не верю, парень, — сказал он. — Я с ними живу. Семьдесят лет. Верят в то, чего не видали. А я видал. И ты вчера видал, по спине-то получил. Веришь, нет — а полосы есть. Так что давай так: ты в свою науку верь сколько хочешь, а правила мои соблюдай. Я ж не прошу тебя в чудо верить. Я прошу: делай, как сказано, и беды не будет. Это как — он подыскал слово для городского, — как техника безопасности. Не понимаешь, как ток бьёт, а провод оголённый не трогаешь. Вот и тут так же.

И это Дена, технаря до мозга костей, неожиданно убедило — не мистикой, а логикой техники безопасности. Он замолчал и стал слушать. А Кузьмич, видя, что аудитория притихла, разговорился и выдал им за то утро целый свод деревенской науки.

Он рассказал, как здороваться с домом и не злить домового. Что нельзя свистеть в избе — денег не будет (Тёма, любитель посвистеть, намотал на ус). Никогда не выносить мусор после заката и не оставлять на ночь грязную посуду да нож на столе. Почему нельзя через порог здороваться и передавать вещи. Отчего в новое жильё первой пускают кош-

ку. Как вести себя у колодца — не плевать, не мусорить, не ругаться над водой. Про скотину и дворового. Про то, что в баню — только засветло и с поклоном. Он сыпал приметами и правилами, а Вика, сияя, строчила за ним в блокнот, потому что наконец-то нашёлся живой человек, который подтверждал всё, во что она верила и над чем все смеялись.

И вот что характерно: правила Кузьмича работали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.